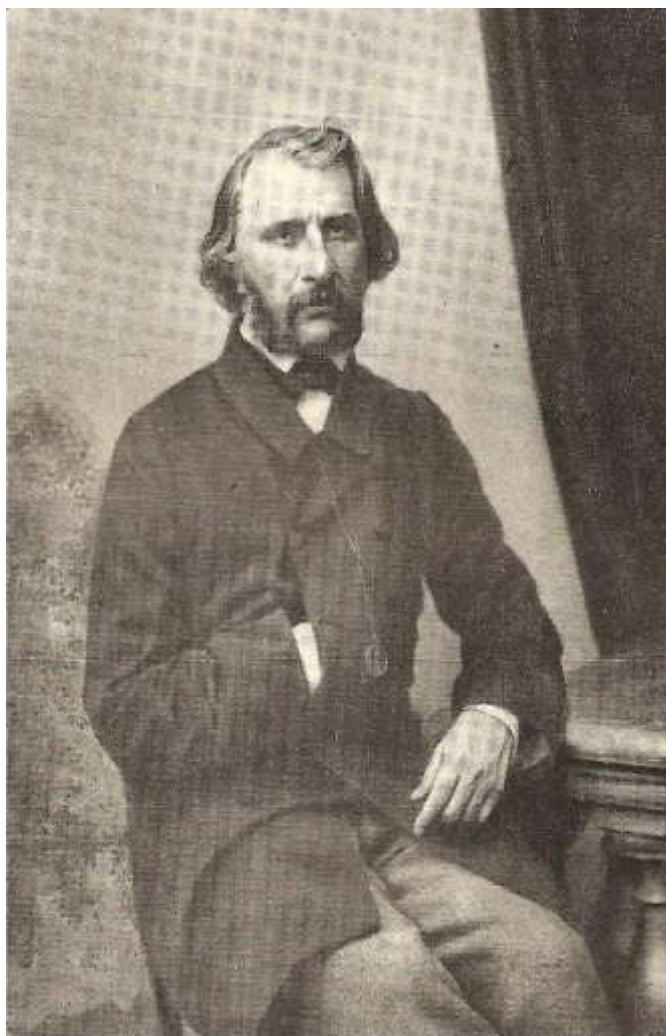

Мина Полянская

ИВАН ТУРГЕНЕВ
БЕРЛИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ – ЦАРСТВО
МЫСЛИ

Увы, любезный барон!
Куда девалось наше беспечальное студенческое
жизнь в Берлине. Куда кануло всё светлое про-
шрое?

Из письма Ивана Тургенева 1881 г.

15 мая 1838 году в полдень Иван Тургенев, 19-летний юноша, наружность которого находили не только красивой, но и многообещающей, отстояв напутственный молебен в Казанском соборе, что на Невском проспекте, направился к пароходству на Морской, где стоял у пристани корабль «Ижора». На нём будущий писатель должен был отплыть к большому линейному кораблю «Николай I», ожидавшему пассажиров в Кронштадте с тем, чтобы отправиться к берегам Германии.

Тургенев покидал Россию для обучения в Берлинском университете или, как он сам выразился, «доучиваться в Берлин», поскольку после года обучения в Московском университете и 3 лет в Петербургском, степень кандидата у него уже была. Будущий известный писатель ещё долгие годы будет полагать, что ему предстоит именно научная карьера. Он оказался на редкость настойчивым по части учёбы и теперь готовился стать магистром философии. К тому же, и это понятно, «заграничное» обучение было ещё и соблазном, ни с чем не сравнимым, для молодого пытливого ума. Дело оставалось за небольшим: следовало уговорить мать, Варвару Петровну Тургеневу, субсидировать обучение будущего магистра. Что касается Варвары Петровны, урождённой Лутовиновой, то она вполне соответствовала образу жестокой крепостницы из школьного учебника советского периода. Вульгарный социологизм в данном случае вполне адекватно отразил историческую правду: Варвара Петровна и в самом деле была прообразом жестокой барыни в известном рассказе Тургенева «Муму» (1852). Тургенев не изменил имени главного действующего лица рассказа «Муму» – Герасима, а Варвару Петровну, пощадив, именовал барыней. В одной Орловской губернии Мценского уезда Варвара Петровна владела огромным имением Спасское-Лутовиново и состоянием по тогдашнему счёту в 5 000 душ крепостных. Впоследствии, когда Тургенев пытался вступить за крепостных, она лишила его дохода и обрекла на настоящую нищету, хотя в будущем (после смерти матери) его ожидало огромное наследство.

Варвара Петровна была талантливой натурой, женщиной умной и остроумной, в чём мы убеждаемся по её письмам. Она говорила (и вела свой дневник) по-французски. И, кроме того, она боготворила образование и учёность. Она охотно оплачивала обучение сына в Петербургском университете, но не считала для себя возможным давать деньги на «транспортные расходы», считая передвижение в карете по городу излишней роскошью, отчего студент Тургенев преодолевал петербургские пространства пешком, причём в самые неблагоприятные и мрачные времена года.

Всякие разумные доводы в пользу образования Варвара Петровна выслушивала с огромным интересом. Довод же о том, что само министерство просвещения посылает за свой счёт в немецкие университеты юношей, подающих надежды, сразил её, и она согласилась отпустить сына, сказав: «Свет требует светскости!» И с этим не поспоришь. Она предостерегла сына от соблазнов Запада: карт, рулетки, дам, знакомства с актрисами, предупреждала, что отец не оставил сыновьям наследства, а на материнское наследство можно рассчитывать только после её смерти.

Жестокость, как известно, нередко сочетается с непомерной чувствительностью и сентиментальностью, иной раз переходящей в экзальтацию. Варвара Петровна впоследствии живописно описала сыну свои волнения при расставании на пристани: «В гостиной отгорожен к одному углу кабинет, с зеленью, стол письменный стоит. Скоро пришлю тебе рисунок. Вот я беру Кантемира. Кантемиром называется деревянный portier с ручкой.

Итак, беру Кантемира, пишу вчерашнего дня журнал. А потом сажусь за приятное прохождение времени – ближе всех в глазах моих твой портрет. – «Здравствуй, Ваня», – говорю я и потом принимаюсь писать письма к тебе или брату до 10-ти часов. Братин портрет налево. Параллельно ему налево портрет отцов. Прямо передо мной, на маленьком пюпитре, вид петербургской набережной и отъезжающий пароход Ижора. Провожающие машут платками, шляпами < ... >- Стоят экипажи <... > на балконах смотрят в лорнетки. Дымится уже, зазвенел третий звонок – и мать вскрикнула, упала на колени в карете перед окошком <... >- Пароход повернулся и полетел как птица...»¹

Так что невольно и подумаешь: а не здесь ли, в пароходе летящем, как птица, – истоки литературного таланта Ивана Сергеевича?

* * *

Впоследствии, вспоминая свои немецкие томления и мечтания, Тургенев записал: «Я бросился вниз головой в «немецкое море», долженствовавшее очистить и возродить меня и, когда я, наконец, вынырнул из его волн – я все-таки очутился «Западником» и остался им навсегда»².

Эта красивая фраза, записанная автором для того, чтобы сообщить о своём духовном возрождении, при всей образности подразумевает реальное море и реальные волны, из которых нужно было себя в том злополучном путешествии в Германию на пароходе «Николай I» физически спасти.

Путешествие окончилось трагически: у берегов Германии пароход сгорел. За исключением нескольких человек пассажиры спасены были на двух шлюпках, однако на Тургенева такой приезд в Германию наложил неизгладимую печать, вплоть до самой смерти. Пожар на пароходе «Николай I» явился не только одной из крупнейших катастроф в истории пассажирского судоходства XIX в., но и вошёл даже в историю русской литературы.

Среди 250 пассажиров, кроме Тургенева, на пароходе находилась первая жена Фёдора Ивановича Тютчева Элеонора Фёдоровна (1800—1838) с тремя маленькими дочерьми Анной, Дарьей и Катей. Элеонора Фёдоровна стояла как изваяние среди пламени, прижав к себе детей. Между тем, первые шлюпки перевернулись. Капитану всё же удалось прекратить панику, поставив между двумя оставшимися шлюпками и толпой вооружённых матросов. На этих двух шлюпках в течение нескольких рейсов пассажиров переправили на берег. Тургенев во время путешествия в лодке познакомился с Элеонорой и отдал ей свою одежду.

Тютчев с ужасом писал в одном из писем о том, как жена его сумела трёх девочек «пронести сквозь бушующее пламя и вырвать их у смерти». Существует предположение, что одной из причин её преждевременной смерти (она умерла осенью того же года) было нервное потрясение, перенесённое ею во время пожара. Тютчев в одну ночь посидел у гроба жены и впоследствии казался старше своих лет, а спустя десять лет, в 1848 г., посвятил Элеоноре Фёдоровне знаменитые стихи:

Ещё томлюсь тоской желаний,
Ещё стремлюсь к тебе душой –
И в сумраке воспоминаний
Ещё ловлю я образ твой...
Твой милый образ, незабвенный,

¹ Богословский Н. Тургенев. М.: Молодая гвардия, 1959. С. 45.

² Тургенев И. Литературные и житейские воспоминания. Л.: Издательство Писателей, 1934.

Он предо мной везде, всегда,
Недостижимый, неизменный,
Как ночью на небе звезда...¹

На потерпевшем бедствие «Николае I» находился ещё и известный русский поэт, друг Пушкина Пётр Андреевич Вяземский. (1792 – 1878), Пушкина посвятил Вяземскому стихи:

Судьба свои дары явить желала в нём,
В счастливом баловне соединив ошибкой
Богатство, знатный род с возвышенным умом
И простодушие с язвительной улыбкой.²

И надо же было 19-летнему, перепуганному бедствием юноше оказаться замеченным этим «счастливым баловнем» с «язвительной улыбкой». Вяземский впоследствии в Петербурге и Москве «простодушно» рассказывал знакомым о недостойном поведении юноши во время эвакуации с тонущего корабля, к тому же ещё и кричавшего: «Я единственный сын у своей матери!» С лёгкой руки князя Вяземского распространилась и такая фраза, которую Тургенев якобы повторял: «Умереть таким молодым, не успев ничего создать!»

Слухи дошли до Варвары Петровны. Она возмутилась его «ламентациями» (так и написала ему в одном из писем): «Это оставило на тебе пятно, ежели не бесчестное, то ридикульное».

Вот уж, действительно, «пятно ридикульное» – попробуй его смой. И через тридцать лет смыть не удалось! Фёдор Достоевский употребил эти «ламентации» Тургенева в романе «Бесы» (1871) (ещё один литературный отсвет знаменитого пожара на Северном море). В нём модный писатель Кармазинов, чьим прототипом несомненно был Иван Тургенев, пишет с единственной целью выставить самого себя о гибели одного парохода где-то у берегов Англии: «Так и читалось между строками: «Интересуйтесь мною, смотрите, каков я был в эти минуты. Чего вы смотрите на утопленницу с мёртвым ребёнком. Смотрите лучше на меня, как я не вынес этого зрелища и от него отвернулся»³. В 1883 г., находясь на смертном одре (у Тургенева была саркома позвоночника), когда писатель не мог уже двигать рукой, дабы как-то оправдать себя за якобы проявленное малодушие в годы далёкой молодости, он продиктовал Полине Виардо рассказ «Пожар на море», где описал себя и окружающих во время пожара. Привожу фрагменты рассказа, кстати, замечательного:

«Тёмно-красное зарево, как от горящего каменного угля, вспыхивало там и сям. Во мгновение ока все были на палубе. Два широких столба дыма пополам с огнём поднимались по обеим сторонам трубы и вдоль мачт; началась ужаснейшая суматоха, которая уже и не прекращалась. Беспорядок был невообразимый: чувствовалось, что отчаянное чувство самосохранения охватило все эти человеческие существа, и в том числе меня первого. Я помню, что схватил за руку матроса и обещал ему десять тысяч рублей от имени

¹ Тютчев Ф. И. Ещё томлюсь тоской желаний... // Тютчев Ф. И. Соч.: В 2 т. М.: Худ. лит., 1984. С. 120.

² Пушкин А. С. К портрету Вяземского // Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М.: Худ. лит.: Т. 1. С. 125.

³ Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 10 т. М.: Худ. лит. Т. 7. С. 93-94.

матушки, если ему удастся спасти меня. Матрос, который, естественно, не мог принять моих слов за серьёзное, высвободился от меня; <...> И однако, этот же капитан всем нам спас жизнь. Во-первых, тем, что в последнюю минуту, когда ещё можно было добраться до машины, изменил направление нашего судна, которое, идя прямо на Любек, вместо того, чтобы круто повернуть к берегу, непременно сгорело бы раньше, чем вошло в гавань; и во-вторых, тем ещё, что приказал матросам обнажить кортики и без сожаления колоть всякого, кто попытается дотронуться до одной из двух оставшихся шлюпок, – все остальные опрокинулись, благодаря неопытности пассажиров, хотевших спустить их в море <...> В числе дам, спасшихся от крушения, была одна г-жа Т***, очень хорошая и милая (Элеонора Фёдоровна Тютчева. – М. П.), но связанная своими <...> дочками и их нянюшками, поэтому она и оставалась покинутой на берегу, босая с едва прикрытыми плечами. Я почёл нужным разыграть любезного кавалера, что стоило мне моего сюртука, который я до тех пор сохранил, галстука и даже сапог; кроме того, крестьянин с тележкой, запряжённой парой лошадей, за которой я сбегал на верх утёсов и которого послал вперёд, не нашёл нужным дожидаться меня и уехал в Любек с моими спутницами, так что я остался один, полураздетый, промокший до костей, в виду моря, где наш пароход медленно догорал. Я именно говорю «догорал», потому что я никогда бы не поверил, что такая «махинища» может быть так скоро уничтожена... И только? подумал я; и вся наша жизнь разве только щепотка золы, которая разносится по ветру?»¹

В рассказе «Пожар на море», ставшем предсмертной исповедью Тургенева, нет и напоминания о криках пострадавшего про «единственного сына у матери», или каком-либо другом малодушии, проявленном героем рассказа.

Берлин, Унтер ден Линден, здание берлинского университета и памятник Фридриху Великому.

¹ Тургенев И. С. Пожар на море. // Тургенев И.С. Собр. соч. в 12 т. М.: Худ. лит. Т.10. С. 581.

Здание Берлинского университета на Унтер ден Линден внешне почти не изменилось со времён Тургенева. Построенное в 1766 году для принца Генриха Прусского, младшего брата Фридриха II оно после смерти принца было передано первому Берлинскому университету, основателем которого был Вильгельм фон Гумбольдт.

В 1830-1840 гг. университет переживал пору своего расцвета. Именно университет, «царство мысли», по выражению Гегеля, составлял тогда немецкую славу, придавал Берлину значение одного из центров Европы, несмотря на общий провинциальный стиль городской жизни. Гегель в 1818 году стал профессором Берлинского университета и заведовал кафедрой философии, а с 1831 был назначен ректором университета, но в том же году внезапно скончался от эпидемии, оставив за собой славу, которая с годами росла и укреплялась, сделав берлинского профессора личностью в истории философии даже и легендарной, ибо он был философом, который подверг критике метафизический метод и сформулировал законы и категории диалектики. Гегелевское определение Берлинского университета как «царства мысли» распространилось тогда среди студентов. Мы встречаем его у вольнослушателя университета Павла Васильевича Анненкова, который говорит, что находился: «в безмятежном царстве мыслей, науки и теории»¹. И далее: «Берлинский университет, благодаря соединенным усилиям администрации и людей науки, вырос сам с собой в готовое царство такого рода: немецкая ученость процветала там, как нигде»².

Влияние немецкой философии на русское самосознание было замечено поэтами пушкинской поры и самим Пушкиным тоже. Он высказывался об этом неоднократно. Он учитывал тот невероятный факт, что в русских университетах философские факультеты были запрещены правительством, дабы не было излишнего брожения умов, а главное, чтобы не расшатались религиозные устои – один из главных столпов опоры Российской империи.

Новые веяния, особенно гегельянство и младогегельянство, расшатывающие христианство, могли показаться Пушкину любопытными и для литературы тоже, если не сказать больше. Однако открыто высказаться по этому поводу поэт не мог, поскольку пострадал уже однажды (сослан в Михайловское) из-за кишинёвского письма, перлюстрированного правительством, где сообщал (на мой взгляд, в шуточной форме), что берёт уроки «чистого афеизма». (Впоследствии бесчеловечно был осуждён Достоевский, для которого одним из основных пунктов обвинения оказалось его чтение петрашевцам атеистического письма Белинского). В «Мыслях на дороге» Пушкин дал сдержанную, но вполне положительную оценку явлению немецкой философии в России:

«Философия немецкая, которая нашла в Москве, может быть, слишком много молодых последователей, начинает уступать духу более практическому. Тем не менее, влияние её благотворно: она спасла нашу молодёжь от холодного скептицизма французской философии и удалила её от упоительных и вредных мечтаний, которые имели столь ужасное влияние на лучший цвет предшествующего поколения!»³

В романе «Рудин» (первом романе Тургенева, впервые опубликованном в январском и февральском изданиях «Современника» за 1856 году и

¹ Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838- 1848. //Анненков П.В. Литературные воспоминания. М.: Госиздат. Худ. лит., 1960. С. 198.

² Там же. С. 198.

³ Пушкин А. Путешествие из Москвы в Петербург (до 1833 году «Мысли на дорогах») // Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М.: Худ. лит. 1962, Т. 6. С. 384.

названного тогда повестью) действие разворачивается в русской деревне. Однако это лишь только первый план повествования, за которым как бы просвечивают знакомые очертания Берлина. Поведение главного героя, его речи, монологи – всё это плоды немецкой учёности, обрывки идей немецких философов, подхваченные во время его учёбы в Берлинском университете. Берлин, как некая земля обетованная, «страна святых чудес», как бы незримо присутствует в романе, и странное, сказочное излучение исходит оттуда, с Запада, подсвечивая сидящее в российской глуши за вечерним чаем изысканное общество.

Что касается самого Берлина, его общей атмосферы, то он и в самом деле был провинциален. Тургенев вспоминал: «Что прикажете сказать о городе, где встают в шесть утра, обедают в два и ложатся спать гораздо прежде куриц, о городе, где в десять часов вечера одни меланхолические и нагруженные пивом ночные сторожа скитаются по пустынным улицам, да какой-нибудь буйный и подгулявший немец идёт из Тиргартена и у Бранденбургских ворот тщательно гасит свою сигарку, ибо «немееет» перед законом. Шутки в сторону, Берлин – до сих пор ещё не столица; по крайней мере, столичной жизни в этом городе нет следа, хотя вы, побывши в нём, всё-таки чувствуете, что находитесь в одном из центров или фокусов европейского движения»¹. Собственно, университет и придавал Берлину (помимо удобного географического расположения) значение европейского движения.

170 лет тому назад молодой Тургенев с благоговением поднялся по ступеням бывшего дворца принца Генриха. Он достиг желанной цели: наконец-то он встретится с легендарными учёными мужами, «обольстителями души».

Студенту, как и полагалось, выдали «студентский диплом». Он ещё получил ту самую знаменитую карточку, по предоставлении которой немецкий студент не мог быть арестован полицией. Эпоха легендарных фантастических одежд немецких студентов отступала уже в прошлое. Как свидетельствовал студент Берлинского университета Николай Станкевич в некоторых старых немецких городах ещё сохранились следы старинного студенчества, тогда как в столице студенты обрили длинные бороды и волосы, сняли с себя комические «древние одежды», сшили себе фраки и оказались похожими на «филистимлян», то есть мещан, филистеров, как они называли в старые времена других граждан, не принадлежащих к их избранному кругу.

В «Рудине» главный его герой, проучившийся в двух немецких университетах, полностью подтверждает свидетельство Станкевича о том, что в Берлине студенты носили современную одежду. Рудин рассказывает, что в Гейдельберге отрастил волосы до самых плеч, носил большие сапоги со шпорами, а в Берлине, как и все студенты, переделался в обычную для того времени одежду. Тургенева, стало быть, мы находим в аудиториях университета в «партикулярном» платье. Кроме студентов сюда приходили в качестве вольнослушателей также офицеры и чиновники. В университете иногда можно было встретить женщин, что в те времена для России было невозможным.

В Берлинском университете «тургеневского периода» почти одновременно собрались учёные, которые пользовались известностью в

¹ Тургенев И. Письма из Берлина. Смесь // Отечественные записки. 1841. № 6. С. 111–114.

научном мире. Там внушительный, красноречивый Карл Риттер, немецкий географ, один из основоположников современной западной географии, вёл сравнительное земледевие. До 1842 году читал лекции Шеллинг, выступивший против гегелевской философии в защиту христианского откровения. Так что Тургенев слушал лекции и этого легендарного философа.

Историю преподавал Леопольд фон Ранке с 1841 году официальный историограф Пруссии, разработавший методологию современной историографии. Ранке вёл академические исторические семинары, сформировавшие многих выдающиеся историков. Любимцем студентов был молодой профессор Карл Вердер, читавший историю философии, логику и метафизику. Тургенев брал у него частные уроки по философии вместе с Бакуниным, когда они вместе снимали квартиру на Миттельштрассе 60.

Из письма Тургенева Тимофею Грановскому от 18 мая 1840 г.: «'Nur seine Grenze erkennen', – говорит Вердер. Кстати, он мне даёт уроки. Дело, слава Богу, идёт на лад»¹. Сохранились конспекты лекций Вердера по гегелевской философии и по чистой метафизике, составленные Тургеневым в 1840 году Тургенев занимался философией, историей и древними языки, но с особым рвением изучал Гегеля, которого многие его русские сокурсники, и в особенности Бакунин, цитировали наизусть. Вердер с большим вниманием относился к Николаю Станкевичу, первому распространителю Гегеля в России. Станкевич был смертельно болен и в 1842 году умер в Италии от чахотки. К остальным русским слушателям профессор также относился с особой симпатией, как, впрочем, и многие другие профессора; ненасытная жажда знаний удивляла их.

Можно себе представить, в какой среде вращался Тургенев, если он, молодой русский дворянин, сын крепостницы, иной раз оказывался в одной аудитории с основателем собственного учения, марксизма, Карлом Марксом. Оба, стало быть, пребывали в атмосфере философии Гегеля и младогегельянцев, пожелавших освободить человечество с помощью исторического и диалектического процесса самопознания. Забавно, что сын отъявленной крепостницы и теоретический «освободитель» вероятно, лично не знакомые, хотя об этом невозможно сказать с полной уверенностью (наверное, здоровались, у немцев принято здороваться с незнакомыми, находящимися в одном помещении, или даже на одной территории) оказались в одной бурнокипящей студенческой атмосфере.

Для Тургенева личное общение с русскими студентами, и в особенности со Станкевичем, оказалось важным событием в жизни. В Москве Тургеневу не удалось вступить в знаменитый философский кружок Станкевича, а в Берлине он был принят в их почётное общество. Станкевич, впрочем, поначалу откровенно не жаловал его, а предпочитал Тимофея Грановского впоследствии профессора Московского университета, и Януария Неверова – они даже поселились в одной квартире.

Материалы студенческого берлинского периода обнаруживают, что в среде блестящей русской молодёжи Тургеневу нашлось место далеко не в первых рядах. Надо сказать, что студент и сам давал повод для такой иерархии, поскольку был неловок и не уверен в себе. Так, например, он часто по-

¹ Тургенев И. Письмо Грановскому Т. от 18 мая 1840 году // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. М.; Л. 1961. Т. 1. 188-190.

сещал салон Фроловых, где бывала русская молодёжь. «Я ходил туда молчать, разиня рот, и слушать»¹.

В 1834 году Николай Григорьевич Фролов окончил Пажеский корпус и был определён офицером в Семёновский полк, подал в отставку и отправился слушать лекции сначала в Дерптский, а затем в Берлинский университет. Фролов изучал философию, сравнительное землеведение и переводил некоторые работы Гумбольдта. Александр фон Гумбольдт которому было тогда около 70 лет, вместе с Тургеневым и другими студентами посещал лекции по философии в университете. Хозяйкой салона была жена Фролова Елизавета Павловна, по характеристике Тургенева, «женщина очень замечательная, почти гениальная». Фроловых навещала Беттина фон Арним, урождённая Brentano, сестра Клеменса Brentano, опубликовавшая в 1835 году книгу «Переписка Гёте с ребёнком», она же участник и издатель других уникальных переписок).

Дипломат и писатель Фарнхаген фон Энзе также бывал у Фроловых. После гибели Пушкина Фарнхаген опубликовал в «Ежегоднике наук и искусств»² статью о Пушкине. Михаил Катков в «Отечественных записках»³ поместил статью Фарнхагена фон Энзе в своем переводе и написал восторженное предисловие, в котором подчеркнул факт высокой оценки Пушкина в авторитетном журнале, основанном самим Гегелем: "Этот журнал издается теперь достойными учениками бессмертного учителя - и в этом журнале выговорено иностранцем полное, торжественное сознание величия нашей родины, произнесена достойная оценка нашего Пушкина. В лице Гегеля подаёт нам руку Германия, в лице Германии вся Европа и целое человечество"⁴.

Януарий Неверов в одном из писем 1838 году сообщал, что статья Фарнхагена возбудила интерес среди студентов и что некто профессор Ганс (ныне канувший в небытие – М. П.) отнёсся с недоверием к статье Фарнхагена, нападает на лекциях на славянские народы, доказывая, что они способны только к пассивному восприятию, создавать ничего не могут и потому и речи не может быть о русском поэте (Пушкине) с европейским значением. Очевидно, что отношение немецких профессоров к русским было не столь уж безоблачным. Более того, профессор – откровенный националист, убеждённый в чудовищном мнении о том, что европейский человек в принципе превосходит славянина. И при всём том, в аудитории профессора с идеалами сомнительными и жестокими собиралось 400 человек.

В подробных письмах Станкевича родителям имя Тургенева почти не упоминается. Впоследствии склонный к самоанализу Тургенев скажет, что в ту пору он был не в состоянии достичь таких безукоризненных, чистых, прямых и цельных натур, каковыми были Станкевич, Неверов и Бакунин.

Время рассудило иначе. Сегодня, спустя более полутора века, можно с некоторой приблизительностью сказать: да, была группа молодых русских студентов, которые составили кружок русской идеалистической философии, уходящей корнями в немецкую философию и сильно окрашенную гегельянством. Что же касается этого «нувеллиста» и «знаменитости» как называл Тургенева Достоевский в романе «Бесы», то он остался в истории русской литературы.

¹ Тургенев И. <Воспоминания о Н. В. Станкевиче> // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М.: Наука, 1980. Т. 5. С. 360.

² Jahrbucher fur wissenschaftliche Kritik 1838, ч. 2, № 61—64.

³ "Отечественные записки". 1839. Т. 3. № 5. Приложение. С. 1-36.

⁴ Отечественные записки, 1839, Т.3. № 5. Приложение. С. 4.

Достоевский шаржировал Тургенева не случайно. Он со всей возможной страстностью обвинял его в атеизме, ненависти к России и преклонении перед Западом, то есть предъявил полный счёт славянофила, упустив из виду, что «либералишка», как ещё он называл Тургенева, написавший «западнический» «Дым», являлся ещё и автором «Дворянского гнезда» и «Записок охотника», над которыми, согласно преданию, плакал Александр II, впоследствии, якобы, чуть ли не по этой причине отменивший крепостное право, чего как будто бы не могло быть. С одной стороны. А с другой – неисповедимы порывы и движения души человеческой.

Противопоставляя себя атеисту, космополиту и западнику Тургеневу, Достоевский строил своё христианское, национально-русское мировоззрение.

Впрочем, не будем и преуменьшать роль русских студентов, обучавшихся в немецких университетах. Именно они, по идее «Бесов», были праотцами российских бесов. Не умалим же значение легендарного революционера-анархиста Михаила Бакунина, впоследствии дружившего с Карлом Марксом, человека с фантастической, романной биографией (тюрьмы, каторги, бегство из них, два приговора к смертной казни и прочее в том же роде), влияние которого можно ощутить и сейчас в определённых кругах общества. Разумеется, Бакунин оказывал (не мог не оказывать) воздействие на Тургенева, тем более что поселились оба в одной квартире. Из воспоминаний Павла Васильевича Анненкова. «В одном из берлинских кафе («Под липами») у Спарньяпани, отличавшемся громадным количеством немецких и иностранных газет и журналов, я встретил однажды двух русских высокого роста, с замечательно красивыми и выразительными физиономиями, Тургенева и Бакунина, бывших тогда неразлучными. Мы даже и не раскланялись; ни с одним из них я ещё не был знаком и не предчувствовал близких моих отношений к первому»¹. (На самом деле то была первая встреча будущих друзей в конце 1840 года в Берлине, куда Анненков только приехал, а Тургенев собирался уезжать в Россию).

И да не принизим роль русских берлинских друзей Тургенева в романе «Отцы и дети» с «героем нашего времени» Базаровым – нигилистом. Однако всё же не Базаров, а другой герой Тургенева – чистой воды «немецкий продукт». Именно Рудин из одноимённого романа весь окутан «Германией туманной». «Рудин начнёт читать ей гётевского «Фауста», Гофмана, или «Письма» Беттины, или Новалиса, беспрестанно останавливаясь и толкуя то, что ей казалось тёмным! Она по-немецки говорила плохо, как почти все наши барышни, но понимала хорошо, а Рудин был весь погружён в германскую поэзию, в германский романтический и философский мир и увлекал её за собой в те заповедные страны»²

Тон тургеневского очерка «Письма из Берлина» почти рудинский (письмо первое, 1 марта 1847): «Помните ли восторженные описания лекций Вердера, ночные серенады под его окнами, его речей, студенческих слёз и криков? Помните? В сороковом году с волнением ожидали Шеллинга, шикали с ожесточением на первой лекции Шталя, воодушевлялись при одном имени Вердера, воспламенялись от Беттины, с благоговением слушали Стеффенса. Что я говорю? Даже та юная, новая школа, которая так

¹ Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838- 1848. //Анненков П.В. Литературные воспоминания. М.: Госиздат. Худ. лит., 1960. С. 200.

² Тургенев И. Рудин // Тургенев И. Романы. М.: Дрофа. 2007. С. 53.

смело, с такой уверенностью в свою несокрушимость подняла тогда своё знамя, даже та школа успела исчезнуть из памяти людей!»¹

Размышления Тургенева о прогрессе и добре зачастую удивительно похожи на речи его собственного героя Рудина, русского интеллигента-идеалиста, воспитанного в немецких университетах, о чьих монологах Тургенев писал: «Он говорил мастерски, увлекательно и не совсем ясно... но самая эта неясность придавала особенную прелесть его речам <...> Иной слушатель, пожалуй, и не понимал в точности, о чём шла речь; но грудь его высоко поднималась, какие-то завесы разверзались перед его глазами, что-то лучезарное загоралось впереди»².

«Характер этого подборника прогресса, – заметил Набоков, – и типичного идеалиста 40-х годов укладывается в известную гамлетовскую фразу: «слова, слова, слова»³. Начиная с Рудина и возникла в русской литературе блистательная плеяда интеллигентов-либералов, умевших красиво говорить, например, о социальном прогрессе или же о переустройстве общества.

Образ «русского человека на «rendez-vous» достиг апогея в личности Степана Трофимовича из «Бесов», который пишет из Берлина Варваре Петровне Ставрогиной (обратим внимание: благородную героиню Достоевского, поддерживающую вольнодумца, зовут Варварой Петровной, как мать Тургенева, изощрённую в своей жестокости крепостницу) письма в таком вот роде: «По вечерам с молодёжью беседуем до рассвета, и у нас чуть не афинские вечера, но единственно по тонкости и изяществу; всё благородное: много музыки, испанские мотивы, мечты всечеловеческого обновления, идея вечной красоты, Сикстинская Мадонна, свет прорезами тьмы...»⁴ Очутившись на сцене в русском губернском городе на сборище «поборников прогресса», Степан Трофимович обратился к толпе с изысканной речью: «Я пришёл к вам с оливковой ветвью. Я принёс последнее слово...». И получил из толпы «бесов», то есть «нового поколения», грубоватый ответ-окрик: «Каламбуры 40-х годов!»⁵ Образ Тургенева, фаталиста, воспринимавшего историю как безличный процесс, не давал Достоевскому покоя. Ибо Тургенев заявлял: «Есть ли Бог? Не знаю. А вот закон причинности мне известен. Дважды два – четыре».

«Интеллигентский» ряд «прогрессистов» продолжил Фридрих Горенштейн в романе «Место» в образе Журналиста. Журналист, благополучный человек, известный литератор, полулиберал, неотразимый и обаятельный, с благородной седой львиной гривой, был когда-то любимцем молодёжи, которая, однако, сильно заподозревала его в сталинизме. Он пытается себя реабилитировать, является на студенческий диспут, где читается доклад «Интернациональный долг русского большинства». Внутри зала, однако, на одной из колонн кнопками была прикреплена маленькая афишка, в которой доклад назывался «Мифологические основы антисемитизма». Докладчиком был некто А. Иванов, член Русского национального общества защиты евреев имени Троицкого. В зале разгораются национальные страсти.

¹ Тургенев А.И. Письма из Берлина // Отечественные записки. 1841. № 6. С. 111–114.

² Тургенев И. Рудин // Тургенев И. Романы. М.: Дрофа. 2007. С. 34.

³ Набоков В. Иван Тургенев. // Набоков В. Лекции по русской литературе. М.: Независимая газета. 1996. С. 137 – 138.

⁴ Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Собр. соч. в 10 т. М.: Худ. лит. 1957. Т. 7. С. 28.

⁵ Там же. С. 506.

И Журналист выходит на сцену с некоей речью, написанной на листках, которые неловко мнёт в руках, точно так же, как некогда Степан Трофимович из «Бесов». Он невнятен от первой и до последней фразы, требуя какой-то устойчивости, «ибо терпение основа жизни <...> Всякая господствующая идеология, даже если она ранее терпение отрицает, потом с приходом зрелости и опыта, берёт его на вооружение»¹. Прерываемый постоянно публикой, он продолжает в том же духе.

Он стоит на сцене, по-прежнему перебирая листки, так же, как сто лет назад его литературный предшественник, такой же беспомощный перед аудиторией молодых, непреклонных людей.

Степан Трофимович: «Я, отживший старик, я объявляю торжественно, что дух жизни веет по-прежнему, и живая сила не иссякла в молодом поколении. Энтузиазм современной юности так же чист и светел, как и наших времён. Произошло лишь одно: перемещение целей, замещение одной красоты другой! Всё недоумение лишь в том, что прекраснее: Шекспир или сапоги, Рафаэль или петролей?»²

Журналист из романа Фридриха Горенштейна «Место» тоже пытается убедить разношёрстную, обзлённую публику, принадлежащую к многочисленным группировкам, туманной, пространной речью. На вопрос одного из «злых» мальчиков из толпы, к чему всё-таки призывает Журналист, он отвечает каламбурно по степан-трофимовски:

– К безвременью... Россия нуждается, по крайней мере, в двух-трёх веках безвременья. Все силы страны должны быть сосредоточены на внутреннем созревании. Пусть на этот период восторжествует тихий, мирный, влачащий свою ляжку обыватель. Этого не следует пугаться. Это будет лишь фасад. За фасадом будут происходить интереснейшие процессы.

– Какие процессы? – уж совсем неуважительно выкрикнули из публики. – Вы говорите загадками³.

Горенштейн в романе «Место» пародировал отнюдь не Тургенева, а исключительно Достоевского, с которым находился, скажем так, в сложных отношениях.

Впрочем, и мы увлеклись речами и в самом деле красивых и талантливых натур. Вернёмся в Берлин 1838-1841 гг. Опасаясь давления Варвары Петровны даже на расстоянии, Тургенев из Германии ей почти не писал, о чём свидетельствуют её, полные угроз и возмущения письма. В одном из писем она угрожала избить крепостного мальчика Николашку, если не будет получать писем из Берлина, эта деспотическая крепостница написала, что ей, конечно жаль бедного мальчика, да ничего не поделаешь.

Поскольку молодой Тургенев писал в Россию крайне нерегулярно, первоначальный берлинский адрес писателя по его переписке установить было невозможно. Преподаватель факультета славистики Маттиас Шварц нашёл для меня в архиве берлинского университета Фридриха Вильгельма, ныне университета имени Гумбольдта, некий любопытный документ, выписку из университетского регистра, который предлагаю вниманию

¹ Горенштейн Ф. Место // Горенштейн Ф. Избранное: В 3 т. М.: Слово, 1991, Т. 1. С. 632 – 633.

² Достоевский Ф. Бесы // Достоевский Ф. Собр. соч.: В 10 т. М.: Худ. Лит., 1957. Т. 7. С. 506.

³ Горенштейн Ф. Место // Горенштейн Ф. Избранное в 3-х т. М.: Слово, 1992. Т. 1. С. 632 – 633.

читателей. Будущий русский классик был записан как: von Turgenef Johann, Ausländer

Name	Inländer.	Ausländer.	No. Albi.	Rece- tal.	Bemerkungen.
<i>von Turgenef Johann L. Ringstr. 27/11. 38. aus Petersburg.</i>		<i>A.</i>	<i>7.</i>	<i>29.</i>	<i>... bey d. Beyr. am 15/8. 39.</i>
<i>Leibherr Johann Heine L. Ringstr. 27/11. 38. aus Odessa.</i>		<i>A.</i>	<i>254.</i>	<i>29.</i>	<i>... 20/11/39. ... Abgang bey d. Beyr. am 15/8. 39. Abgang d. 13/11. 39</i>
<i>aus Torgau ...</i>	<i>J.</i>		<i>367.</i>	<i>29.</i>	<i>... bey d. 26/4. 39.</i>

Выписка из университетского регистра

Из архивных документов следует, что фон Тургенев Йоханн поселился по адресу, нигде мною до сих пор в литературоведческих исследованиях не обнаруженному, а именно: Шарлоттенштрассе 27. Некоторое время Тургенев жил там со слугой Порфирием Кудряшёвым (1813-1880). Примечательно, что крепостной Тургеневых Порфирий Тимофеевич слушал в Берлинском университете лекции по медицине. Полагаю, что Варваре Петровне об этом не было известно. Переписка Тургенева с матерью не отражает такого поразительного, из ряда вон выходящего факта из истории русского крепостного права. В Берлине Порфирий ещё и влюбился в немецкую девушку, и Тургенев писал за него любовные письма. Он настоятельно советовал Порфирию не возвращаться в рабство – в крепостную Россию, да ещё, к тому же, к жестокой Варваре Петровне, но Порфирий всё же уехал из Германии. Крепостной Порфирий вернулся в Россию толковым, знающим врачом, был личным врачом Варвары Петровны, и только после смерти матери Тургенев смог дать ему вольную.

Второй адрес – Миттельштрассе 60 – известен. Там будущий писатель поселился с Михаилом Бакуниным. В квартиру на Миттельштрассе приходил Бернгард Икскуль товарищ Тургенева по университету. Его воспоминания о Тургеневе – одно из немногих свидетельств о берлинском периоде тургеневской биографии: « Мы, земляки, скоро познакомились и часто, не менее двух раз в неделю сходились по вечерам то у меня, то у обоих друзей (Тургенева и Бакунина. – М. П.), живших на одной квартире, для занятия философией и для бесед. Хороший русский чай, в то время редкий в Берлине, и хлеб с холодной говядиной служили материальной придачей к этим вечерам; вина мы никогда не пили, и, несмотря на это, просиживали иной раз до раннего утра, увлечись разговором, переходившим нередко в спор. Тургенев был самый спокойный из нас.»¹

Тургенев во время учёбы в университете до такой степени увлёкся наукой, что на первых порах в России соотечественники воспринимали его не как писателя, а именно как молодого учёного. В общей сложности он слушал лекции в Берлинском университете с перерывами (уезжал в Россию и в Италию) с 1838 по 1841 гг.

¹ Икскуль - Фиккель Б. Иван Сергеевич Тургенев в 1839 - 1882 гг. // И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. В 2-х т. М.: Худ. лит. 1983, Т. 1. С. 74 – 75.

Афанасий Фет рассказывал, что впервые увидел Тургенева в стенах Московского университета, беседующего с профессором Степаном Петровичем Шевыревым (1806 -1864): «В комнату вошёл высокого роста молодой человек, темнорусый, в модной тогда «листовской» причёске и в чёрном, доверху застегнутом сюртуке. Так как появление его меня нисколько не заинтересовало, то в памяти моей не удержалось ни одного слова из их непродолжительной беседы; помню только что молодой человек о чём-то просил профессора, и самое воспоминание об этой встрече, вероятно совершенно изгладилось из моей памяти, если бы по уходе его Степан Петрович не сказал: «Какой странный этот Тургенев: на днях он явился со своей поэмой «Параша», а сегодня хлопочет о получении кафедры философии при Московском университете»¹.

За год до смерти, тяжело больной Тургенев написал своему немецкому другу письмо, полное ностальгии и, конечно же, в духе «каламбуров 40-х годов» (1 сентября 1882): «Ах, любезный барон! Где то доброе время нашей студенческой жизни в Берлине? Где прошлогодний снег? <... > я до сих пор помню все подробности. Во всяком случае, оглядываясь назад, мы не можем слишком сожалеть о том, как прошла наша жизнь. Каждый сделал, что мог... *fakiant meliora potentes*»^{2,3} (последнее многоточие - Тургенева).

3

В романе «Бесы» Кармазинов, прототипом которого был Тургенев, рассуждает о своей предстоящей смерти:

«— Там, в Карльсруэ, я закрою глаза свои. Нам, великим людям, остаётся, сделав своё дело, поскорее закрывать свои глаза, не ища награды. Сделаю так и я.

— Дайте адрес, и я приеду к вам в Карльсруэ на вашу могилу, — безмерно расхохотался немец.

— Теперь мёртвых по железным дорогам пересылают, — неожиданно проговорил кто-то из незначительных молодых людей»⁴.

Эти строки были написаны Достоевским в 1873 году. Сказал — напроорочил. Спустя 10 лет предсказанию суждено было сбыться. Именно по железным дорогам 10 дней везли тело Ивана Тургенева через всю Германию в Россию из Франции, где писатель прожил большую часть своей жизни.

Примерно в январе 1882 году возникла роковая болезнь писателя, саркома позвоночника, продлившаяся полтора года, а с июля Тургенев уже не в силах был больше писать и без морфия не мог даже прикрыть глаз. Он находился под Парижем в Буживале, где обычно проводила лето певица Полина Виардо, которой Тургенев, начиная с 25-летнего возраста, посвятил свою жизнь. Под самой комнатой, где умирал писатель, располагалась музыкальная школа Виардо, и к друзьям в Россию доходили тревожные слухи о постоянном «грохоте музыки», о равнодушии членов семьи Виардо к его страданиям.

¹ Фет. А. А. Из моих воспоминаний. // И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. В 2 т. М.: Худ. лит. 1983, Т. 1, С. 152.

² а, кто может, пусть сделает лучше (лат).

³ Тургенев И. С. Бернгарду Икскуль-Фиккелю 1 сентября 1882 году // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. в 28 т. Л.: Наука, 1968. Т. 13, книга 2. С. 234.

⁴ Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 10 т. М.: Худ. лит. 1957. Т. 7. С. 475.

Альфонс Доде, навещавший Тургенева, свидетельствовал, что всегда обнаруживалась одна и та же картина: внизу, в роскошном зале, неумолимо гремели музыка и пение, а вверху, в крохотном полутёмном кабинете, лежал, сжавшись в комок, исхудавший старик. Осенью Виардо уехала в Париж, и Тургенев с удовольствием остался один и написал друзьям, что «одиночество ему по вкусу» (цит. по памяти).

За несколько дней до смерти Тургенев написал завещание, где просил похоронить его в Петербурге на Волковом кладбище, «подле моего друга Белинского; конечно, мне прежде всего хотелось бы лечь у ног моего «учителя» Пушкина; но я не заслуживаю такой чести»¹. Он умер 22 августа 1883 году в два часа дня.

Однако случилось невероятное: тело Тургенева было выдано Полиной Виардо для отправки в Петербург лишь 19 сентября, то есть через 28 дней!

Станция Берлин-Лертербанхоф, куда из Парижа в простом ящике и без сопровождения было доставлено тело И. С. Тургенева и, откуда оно было отправлено в Россию.

Секретарь Тургенева Александр Фёдорович Онегин – личность легендарная. Из любви к Пушкину он взял себе фамилию Онегин. Причём это был не псевдоним, как иногда полагают, а именно фамилия, разрешённая императором. (Бытует предположение, или миф, что Онегин был побочным сыном императора Александра II). По сути дела, пушкинская коллекция Онегина и явилась основой собраний пушкинских реликвий, вещей и рукописей в Пушкинском доме, последней квартире Пушкина и других пушкинских музеях. Онегин с возмущением сообщал, что Виардо после смерти Тургенева перестала его, секретаря Тургенева, пускать в дом, желая получить как можно больше выгод и привилегий от смерти знаменитого писателя. Полина Виардо была наследницей всего архива Тургенева, и, когда затеялся суд между нею и мужем единственной дочери Тургенева Пелагеи Ивановны (1842-1818), рождённой от вольнонаемной швеи Авдотьи Ермолаевны Ивановой, то процесс французским судом был решён в пользу Полины Виардо. Павел Анненков писал, что Тургенев

¹ М. М. Стасюлевич. Из воспоминаний о последних днях И.С. Тургенева и его похоронь.// И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. В 2т. М. : Худ лит. 1883. Т. 2. С. 415.

накануне своей смерти уполномочил его письменно заняться его перепиской и взять из неё то, что Анненков посчитает для себя необходимым. Однако ничего из этой переписки Анненков не получил. Онегин с возмущением рассказывал, что спустя почти месяц после смерти писателя состоялись торжественные проводы тела писателя на Северном вокзале в Париже. В Россию тело писателя в пути никто не сопровождал, и в дороге с ним начались необъяснимые приключения, продолжавшиеся ещё 10 дней.

Случилось так, что для Тургенева Берлин, город студенческой молодости, стал транзитным в особом смысле – в последнем путешествии: через Берлин провезли гроб с телом писателя. Русские газеты сообщали, что по непонятным причинам берлинские вокзалы не были уведомлены о времени прибытия поезда с гробом Тургенева. Также и немецкие газеты сообщили, что служащие железных дорог не получили сведений о времени и месте прибытия гроба и небольшая группа людей, желавших проститься с писателем, возложить венки на гроб, переходили от одного вокзала к другому, из одного конца города в другой.

Берлинские литераторы продолжали бегать с венками со станции на станцию, исчезала последняя надежда оказать в Берлине Тургеневу последние почести. Вдруг останки его привезены были на станцию Лертерский вокзал. Немецкая пресса сообщила, что тело было перенесено в товарный склад, а на следующее утро отправлено в товарном фургоне на вокзал Силезской железной дороги. 23 сентября, в товарном же фургоне оно прибыло к русской границе на станцию Вержболово.

Михаил Стасюлевич, приехавший в Вержболово, чтобы встретить тело Тургенева, сообщал потом в «Вестнике Европы»: «На следующий день рано утром, в шесть часов, к самому окошку моего номера на станции, где я провёл ночь, подошёл тот самый прусский пассажирский поезд, с которым должно было прибыть тело Тургенева, а через несколько минут ко мне вбежал служитель с известием, что тело Тургенева прибыло, одно, без провожатых и без документов¹, по багажной накладной, где написано «1 – покойник» – ни имени, ни фамилии! Мы только догадались, что это – Тургенев, но, собственно не могли знать того, наверное. Тело прибыло в простом багажном вагоне, и гроб лежал на полу, заделанный в обыкновенном дорожном ящике для кладки <...>.

Пока мы выносили из вагона ящик с гробом <...> настоятель приготовил в церкви катафалк и паникадила <...> Едва мы успели кончить нашу печальную работу, как на колокольне церкви раздался протяжный похоронный звон – vivos voco! mortuos plango!² – Это был первый призыв и привет покойнику на родине – и невероятно тяжело потрясли заунывные звуки колокола слух каждого из нас, кто понимал, что мы в эту минуту делали»³.

¹ Как выяснилось потом, провожающие тело Тургенева одна из дочерей Виардо с мужем были задержаны в Берлинской таможне и вынуждены были дожидаться вечернего курьерского поезда, чтобы, как объяснил Стасюлевич, «нагнать тело в Вержболово».

² Созываю живых! звоню по умершим! (лат.)

³ Стасюлевич М. М. Из воспоминаний о последних днях И.С. Тургенева и его похоронах // Вестник Европы. 1883. № 10,11. Цит. по: М.,М. Стасюлевич. Из воспоминаний о последних днях И.С. Тургенева и его похороны.// И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. В 2т. М.: Худ. лит. 1883. Т. 2. С.420-421.

Первая станция на территории России – «Вержболово», где тело С. И. Тургенева было встречено друзьями, переложено в подобающий гроб и отпето по православному обряду в церкви.

Но и в Вержболово пришлось простоять ещё 3 дня. Лишь 27 сентября, то есть спустя 36 дней после смерти Тургенева, в 10 часов 20 минут утра товарный поезд с гробом писателя подошёл к платформе Варшавского вокзала в Петербурге.

Трагически завершился последний путь Ивана Сергеевича Тургенева на родину через Берлин, однако вижу в таком финале логическое завершение судьбы писателя – вечного странника, не пожелавшего или же не сумевшего создать свою семью, написавшего во время путешествия по железной дороге стихотворение «В дороге» («Утро туманное, утро седое...»), ставшее основой знаменитого романа:

Вспомнишь обильные страстные речи,
Взгляды, так жадно и нежно ловимые,
Первые встречи, последние встречи,
Тихого голоса звуки любимые¹.

Сидя в вагоне, по всей вероятности, у окна, прикрыв глаза, о чём он думал? Может быть, о времени, которое не может остановиться ради мига земной благодати, или же о том, что всё в прошлом?

Утро туманное, утро седое, нивы печальные, снегом покрытые...
нехотя вспомнишь и время былое, вспомнишь и лица давно позабытые...
вспомнишь и лица...

И стук колёс растрavляет сердце, и гудок паровоза уносит всё, что было, в небытие. Нет, не уносит. Всё, что в прошлом, не прошло, не отошло, а, наоборот, преобразуется в стихотворении поздней тихой страстностью. Выходит, ощущение бездомности стало вдохновенной тоской писателя,

¹ Любимые романсы. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. С. 183.

похоже, что отщепенство питало его гений, впрочем, как и многих других его литературных предшественников и последователей.

Список использованной литературы

1. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. М. –Л. .: Изд-во АН СССР, 1960-1968. Письма: В 13т. / И.С. Тургенев. М.-Л.: АН СССР, 1961 - 1968.
2. Тургенев И. Рудин: Романы. М.: Дрофа, 2007.
3. Тургенев И. С. Пожар на море. // Тургенев И.С. Собр. соч. в 12 т. М.: Худ. лит. Т.10. С. 580 -588.
4. Богословский Н. Тургенев. М.: Молодая гвардия, 1959.
5. Генералова Н. П. И. С. Тургенев: Россия и Европа: Из истории русско-европейских литературных и общественных связей. СПб.: Русский христианский гуманитарный ин-т, 2003.
6. Горенштейн Ф. Избранное: В 3 т. М.: Слово, 1991.
7. Житова В. Н. (Богданович-Лутовинова). Воспоминания о семье И. С. Тургенева. Тула: Тульское книжное издательство, 1961.
8. Иван Тургенев. Владимир Набоков. Лекции по русской литературе. М.: Независимая газета. 1996. С. 137 – 138.
9. Иксуль - Фиккель Б. Иван Сергеевич Тургенев в 1839 - 1882 гг. И. С. Тургенев в воспоминаниях современников в 2-х т. Т. 1. М. 1969, С. 89 - 92.
10. Никольский Ю. «Дело о похоронах И. С. Тургенева // Былое. 1917. № 4.
11. Островский А. Тургенев в записях современников / Вступ. ст. Б. М. Эйхенбаума. Л.: Изд-во писателей, 1929.
12. Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М.: Художественная литература, 1959 -1962.
13. Стасюлевич М. Похороны И.С. Тургенева.// Собрание критических материалов для изучения произведений И.С. Тургенева. (сост. Валерий Зелинский) М.: Типо-литография В.Ф. Рихтер, 1905. С. 254 -267.
14. М.М. Стасюлевич. Из воспоминаний о последних днях И.С. Тургенева и его похоронах.// И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. М. Правда, 1988. С. 413.
15. Сухотина-Толстая Т. Л. Воспоминания. М.: Худ. лит., 1980.
16. И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. М.: Худ. лит. 1983.